

УДК 327.3; 32:1

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-4-173-184

К РАЗЛИЧИЮ «ПАРТИЗАНА» И «ТЕРРОРИСТА» В ДВУХ ПАРАДИГМАХ ПОЛИТИЧЕСКОГО

Мальцев К. Г., Мальцева А. В., Ломако Л. Л.

*Белгородский государственный технологический университет имени В. Г. Шухова
308012, Белгородская область, г. Белгород, ул. Костюкова, д. 46, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Определение понятий из места «партизана» и «террориста» в «всегда пространственном» (К. Шмитт) политическом порядке, представленном в тотально различных парадигмах «понятия политического» (К. Шмитт) и «экономической парадигме политического» (Дж. Агамбен).

Процедура и методы. Исследование нацелено на получение «радикального понятия», в котором совмещаются реальное понятие и действительное; последовательное удержание различия перспектив конструирования понятий является методологическим требованием, особенно в случаях, когда содержание различных понятий представляется наблюдателю неразличимым.

Результаты. В ходе работы, в горизонте двух парадигм политического западной политической онтологии, были выявлены области значения понятия партизана и террориста: «партизан» есть фигура политического пространства порядка суверенных государств, конститутивом для которого является суверен и суверенное решение; возможность «террориста» раскрывается исключительно в универсальном и глобальном политическом пространстве, началом порядка которого является «пустое место».

Теоретическая и/или практическая значимость. Результатом исследования является последовательное различие двух фигур различным образом представленного политического порядка; установлено, что «террорист», в представлении политического в либеральной версии экономической парадигмы, есть «абсолютно чужой», непризнанный и незаконный внутренний враг, дисквалифицированный в преступника («правовая дисквалификация») и «злодея» («моральная дисквалификация»), против которого ведётся справедливая антитеррористическая война на уничтожение; «террорист» выступает как «другой» исключённого суверена, принимающий решение о тотальном («символическая стратегия»: Ж. Бодрийяр) разрушении глобального либерального политического порядка.

Ключевые слова: партизан, террорист, «новая война», парадигма политического, суверенное решение, «пустое место», «радикальное понятие»

ON DISTINCTION BETWEEN «GUERRILLAS» AND «TERRORISTS» IN TWO PARADIGMS OF THE POLITICAL

K. Maltsev, A. Maltseva, L. Lomako

Belgorod State Technological University named after V. G. Shukhov

46 Kostyukova ul., Belgorod 308012, Belgorod region, Russian Federation

Abstract

Aim. The purpose of the study is to define concepts from the place of «partisan» and «terrorist» in the «always spatial» (K. Schmitt) political order, presented in a totally different paradigm of the «concept of the political» (K. Schmitt) and the «economic paradigm of the political» (J. Agamben).

Methodology. The research is aimed at obtaining a «radical concept» in which the real and the actual concepts are combined; consistent retention of the difference in the prospects for constructing concepts is a methodological requirement, especially in cases where the content of different concepts seems indistinguishable to the observer.

Results. In the course of the work, in the horizon of two paradigms of the political Western political ontology, the areas of the concept of partisan and terrorist meaning were identified. «Partisan» is a figure of the political space of the order of sovereign states, the constitutive of which is sovereign and sovereign decision. The potential of a «terrorist» is revealed exclusively in a universal and global political space, the beginning of the order of which is «an empty space».

Research implications. The result of the study is a consistent distinction between two figures of differently represented political order. It was established that a «terrorist», in the representation of the political in the liberal version of the economic paradigm, is an «absolutely alien», unrecognized and unlawful internal enemy disqualified as a criminal («legal disqualification») and «villain» («moral disqualification») against whom a just anti-terrorist war of destruction is being waged. The «terrorist» acts as the «other» of the excluded sovereign, making a decision about the total («symbolic strategy»: J. Baudrillard) destruction of the global liberal political order.

Keywords: partisan, terrorist, «new war», political paradigm, sovereign decision, «empty space», «radical concept»

Введение

Книга К. Шмитта «Теория партизана» [26], опубликованная в 1963 г., ставит ясную задачу – представить *понятие партизана*, охватывающее все формы *действительности* этого политического феномена примерно за 200 лет, с момента первого явления партизана в Европе во время наполеоновских войн и до современных партизан революционно-освободительных войн в странах третьего мира. Но *имплицитно* рассматривает ещё один важнейший вопрос: в силу каких причин партизан политического порядка суверенных государств *становится террористом* – в глобальном политическом порядке. Хотя Шмиттом о *террористах* сказано всего несколько слов в интервью

[26, с. 145–178], данным им по поводу выхода его книги, именно *вопрос* о них имеет непосредственную политическую актуальность для нашего времени.

В представленной статье *демонстрируется*, что партизан есть *фигура* политического порядка, представленного в шмиттовской парадигме *понятия политического* [25]; *место террориста* – в представлении политического в *противоположной парадигме*: экономической парадигме политического (название дано Дж. Агамбенем [1]), – нет никакого *перехода* от партизана к террористу, и «совпадение характеристик» того и другого не имеет *существенного значения*. Методологическое требование – *разведение* двух *тотально различных* представлений по-

литического в двух названных парадигмах – должно неукоснительно *удерживаться*, особенно в случаях, когда между принадлежащими к ним феноменами обнаруживается *видимое сходство*, которое может ввести в заблуждение относительно *сущности* подобных феноменов. Нашей задачей является *разведение фигур* партизана и террориста в горизонте двух парадигм политического; исходной точкой анализа является *явное различие* между «теллурической природой партизана» и *изначально* «глобальной природой террориста»: партизан есть внутренний враг, который в случае международного признания (почти всегда со стороны других суверенных государств, как это было, например, к нескрываемому удивлению Р. Арона [4], при признании алжирских партизан США), приобретает статус «законного врага», – террорист есть всегда внутренний и всегда *непризнанный* враг, т. е. *преступник*.

«Теория партизана»: внутренний и внешний враг

К. Шмитт выделяет 4 характеристики партизана, образующих его понятие: «иррегулярность», «интенсивность политической вовлечённости», «повышенную мобильность» и «теллурический характер» [26].

«Иррегулярность» партизана – характеристика, во-первых, противоположная «регулярному солдату», который «носит форму» и «открыто носит оружие». С т. зр. «оберегаемой правом войны», порядок которых установился в Европе со времени Вестфальского мирного договора (1648 г.), партизан есть *гражданское лицо*, нарушившее важнейший принцип *исключения* гражданского населения из войны, т. е. незаконно взявший за оружие, и в этом отношении есть *преступник*, в отношении которого *не действуют* правила, установленные насчёт обращения с солдатами противника. Однако с самого начала партизанских движений можно наблюдать (это отмечает и

Шмитт, например, в работе «Номос земли» [23]), как иностранные государства не только *фактически* поддерживают партизан в государствах *противника*, но признают их *стороной вооруженного конфликта* в случае *гражданской войны* и вынуждают *законную власть* признать партизана в таком качестве, т. е. происходит *легитимация* и *легализация* партизана (разумеется, в ограниченном, определённом соотношении сил и интересов, смысле): партизанское восстание переходит в гражданскую войну, исход которой, как правило, определяет *окончательную оценку* партизанской войны. В период антиколониальных войн, США, будучи заинтересованными в ликвидации колониальной системы, мешавшей распространению их собственного глобального господства, часто *признавали партизан*, используя их как мощный фактор дестабилизации *мировой колониальной системы в своих интересах*. При этом признание/непризнание происходило вне каких-либо правил, но строго в соответствии с *интересами*.

«Интенсивная политическая вовлечённость», т. е. «идеологическая ангажированность», позволяет отличить партизана от *разбойника*, действующего в своих корыстных интересах. Шмитт утверждает, что это – «понятийный критерий политического характера» имеет «при точной инверсии ту же структуру, что и у пирата по отношению к международно-правовым нормам ведения войны на море» [26, с. 27]. Шмитт также указывает, что само слово «партизан» «происходит от слова «партия и указывает на связь с каким-то образом борющейся, воюющей или политически действующей партией или группой». Партизан – боец революционной войны, что предполагает «принадлежность к революционной партии и тотальный охват» [26, с. 27]. Кризис суверенного государства европейского легалистского типа (этот тип государства – единственный «завершённый» в XX в.) обусловил то, что «в случае с со-

временным партизаном обе пары противоположностей (регулярно/иррегулярно, легально/нелегально) большей частью стираются и накладываются друг на друга» [19; 26, с. 30].

«Повышенная мобильность», «подвижность, быстрота и ошеломляющее чередования нападения и отступления, словом: повышенная мобильность даже и по сей день – отличительная черта партизана, и этот признак ещё усиливается благодаря внедрению техники и моторизации» [26, с. 30]; в наше время технический прогресс привёл к качественному скачку именно в этой области. Мартин ван Кревелд [10] тщательно проанализировал изменения, которые произошли в области ведения военных действий, уделив особое внимание эффективности именно того, что раньше называлось «партизанской тактикой», всё шире используемой в т. ч. и государствами [13; 19]. На это обращают внимание также М. Хардт и А. Негри [22], когда пишут о современных партизанах, настаивая на том, что их по-прежнему следует отличать от террористов. Как – особая тема, к которой мы ещё вернёмся.

Наконец, «теллурический характер партизана» – именно здесь ещё сам Шмитт заметил необходимость перехода от партизана «классической эпохи» к современному сначала «повстанцам» и затем «террористам»: «Несмотря на всю тактическую подвижность и маневренность, важно для принципиально оборонительной ситуации партизана, который изменяет свою сущность, если отождествляет себя с абсолютной агрессивностью идеологии мировой революции или технократической идеологии» [26, с. 35]. Кажется, именно это – переход от обороны к нападению – первое, что отличает партизана политического порядка суверенных государств от «глобального террориста». Шмитт обращает внимание на то, что происходит «размывание понятия»: «В некоторых случаях перетолковывание доходит до обобщённой символизации

и упразднения понятия. Тогда любой индивидуалист или нонконформист может быть в конечном счёте назван партизаном, независимо от того, думает ли он вообще взять в руки оружие» [26, с. 33]. Но дело в том, что он называется уже не партизаном, но террористом.

Итак, *только в порядке суверенных государств* есть место для «фигуры партизана», его некоторым образом *нет* в глобальном политическом порядке, вернее, оно вытесняется *на периферию* и *постепенно исчезает* по мере того, как глобальный порядок *становится планетарной действительностью* (в 1930-е гг. термин введён М. Хайдеггером [21, с. 306] для определения того, чем *является современность* как «завершающий период нового времени»), упраздняя суверенитеты и границы государств [16]. Об этом следует сказать подробнее.

Партизан определяется, в т. ч. через *участие* в освободительной войне (против иностранного государства-захватчика), в партизанской войне (за установление нового политического порядка в границах суверенного государства – война за суверенитет), в революционной войне (как правило, объединяющей 2 названные выше войны), в любом случае *конститутивным* является суверен и суверенитет. «Понятие политического» определяется Шмиттом через суверенное решение о противопоставлении «друга-врага» [24]; оно *нередуцируемо*; цель политики, во-первых, *опознание внутреннего врага* и *перевод* его *вовне* (например, Шмитт ссылается на «древнюю практику изгнания») и *признание* как «законного врага»; во-вторых, *опознание внешнего врага* как угрозы для существования данного политического порядка. Война в отношении «законного врага» есть «оберегаемая правом война»; *политический враг* – вне моральных оценок и не подлежит моральной и правовой дисквалификации в *преступника*; такая война есть способ выяснения «законных прав» и действительного «соотношения сил», и

заканчивается *миром*, т. е. «фиксацией» соотношения сил в новом *международном* политическом порядке.

«Новая война» и фигура террориста

Все теоретики «новой войны» (как условное название изменений, произошедших в способе ведения современной войны и её целей) – М. Кревельд [10], М. Калдор [9], Ф. Хоффман («гибридная война» [27], М. Шоу («вырожденная война» [29], Д. Мюллер («обломки войны») [28], в определенном смысле Г. Мюнклер [20] и Э. Люттвак [14] – обращают специальное внимание на то, что это – *асимметричная война*. Однако *существенное*, что делает её именно асимметричной, обычно *упускается*: внимание к *неравенству возможностей*, различию в оснащённости, в тактике и стратегии *заслоняет* главное: эта война – полицейская операция против *внутреннего*, с т. зр. глобального порядка, врага, т. е. принципиально – против *непризнанного* врага-преступника. *Принципиально анонимному* врагу (которым может быть *любой*) противостоит столь же *анонимный суверен*, которого, строго говоря, *не может быть* в политическом порядке, представленном в господствующей экономической парадигме политического в версии, определённой «либеральной метафизикой»: террорист есть враг не суверена (как партизан), но *самого политического порядка* как такового.

История «экономической парадигмы политического» написана Дж. Агамбенем [2]. Центром этого порядка изначально является *монарх* (она неоднократно, со ссылкой на Аристотеля, называется Агамбенем «монархической моделью»), в строго греческом значении этого слова – «единое и единственное начало». В средние века названная парадигма окончательно кристаллизовалась. Установленный богом раз и навсегда порядок, в котором ничего нельзя изменить и в который бог «не вмешивается» непосредственно, но только через «земную иерархию», цель

которой – поддержание функционирования «вечного порядка»; монарх здесь занимает *отражение* «божественного места», которому подобает *auctoritas* («слава», и покой), *potestas* («управление») есть дело «земной иерархии». После того как в новом времени бог оказался «упразднённым», стал ненужным и невозможным суверен (в политическом порядке *отсутствует место* для него), центром политического порядка оказалось «пустое место». Шмитт указывал, что правовые и политические понятия европейского нового (и новейшего) времени – «калька» понятий теологии [24]; «пустое место» – онто-теологическое понятие, и в «порядке пустого места» «вечный закон» есть *принцип верховенства права как исключение суверенного решения*. В отношении к предмету нашего исследования не имеет значения, как мыслится организация пустого места: как *понятие* «область аномии» и *действительность* лагеря (Дж. Агамбен) или как «суверен-ребенок», которому не принадлежит решение, но подобает забота (Ф. Р. Анкерсмит) [2; 3; 17]. Важно то, что такой порядок *единый и единственный*, универсальный и глобальный; граница здесь – перемещающийся *фронт*, за которым *ничего нет*, т. е. «абсолютно чужой» (Боянич в своём исследовании насилия [7] определил, что мыслится под ним в горизонте гегелевской философии, «обработанной» новейшим постмодернизмом). Итак, *представление* политического в парадигме «понятия политического» удерживает границу как конститутив «всегда пространственного» политического порядка, в экономической парадигме политического универсальный политический порядок представлен как гомогенный, *без границ*.

Релевантно в отношении нашего предмета то, как *представляют* пустое место теоретики «новой войны»: М. Кревельд [10] утверждает, что новая война есть феномен именно области аномии (Африка, где государство так и не сфор-

мировалось); М. Калдор [9] настаивает, что такой областью для новой войны, которая тоже определяется через аномию, являются «глокальности», из которых исходит вызов *мировому порядку* (о значении глокальностей [18]). Но и в том, и в другом случае существенно именно то, что война ведётся *помимо/поверх отсутствующих суверенов*, но *от имени* анонимного «мирового сообщества» и против террористов как врагов мирового политического порядка. Причём такая внутренняя война – полицейская операция – объявляется *справедливой*, т. е. ведётся она от имени добра и против зла, и это уже не «политическое», а «моральное» *представление* войны [15].

В этой *справедливой* войне определяется *статус* внутреннего врага – террориста как *преступника*, свободная воля которого *самоопределилась к злу* (здесь возникает отсылка к И. Канту, различающему «несовершеннолетних», «неразумных» и собственно «злых»), который тем самым *виноват* и сам поставил себя вне «правовой формы» политического порядка, стал «чужим» и должен быть *уничтожен*; такая война не предполагает мира. М. Хардт и А. Негри [22] делают вывод, что это – *перманентная война*, во всяком случае, добавим мы, настолько, насколько сохраняется возможность самоопределения автономной воли «к злу». Так – *в перспективе* глобального политического порядка.

Но таким образом обнаружена лишь *одна сторона* данного *представления*; другая сторона выявляется «с точки зрения» того, кто объявлен террористом. Многие исследователи (например, С. Жижек [8]) отмечали *субъективную уверенность* террористов в том, что они выступают на стороне добра; это объясняют «фанатизмом», «фундаментализмом», «рессентиментом», следствием «разрыва сознания» (в результате разрушения глобализацией «привычного сельского мира» [11]). Эти объяснения *не имеют значения* в том случае, если «слово» пре-

доставляется «самому террористу» (заметим также, что с «террористами не ведут переговоров» и «слова» им «не дают»: аксиома «либерального фундаментализма»). Более того, все подобные объяснения *вторичны*; в первую очередь *имеют значение* только те, которые *исходят из места локализации* терроризма в *представленном* в либеральной версии экономической парадигмы политического *политическом порядке*. Относительно этого места в современной западной политической философии мы обнаруживаем *два дискурса*: один выработан М. Хардтом и А. Негри [21] и нацелен на сохранение «фигуры партизана» и недопущение его «оборачивания террористом»; второй – дискурс «символической стратегии сопротивления» Ж. Бодрийяра [6].

Дискурсы «партизана» и «террориста» в экономической парадигме политического

Согласно концепции М. Хардта и А. Негри «новой социальной реальностью» является «множество», политическая форма которого – «абсолютная демократия множества». Однако современный *устаревший* глобальный политический порядок организован как «глобальная империя», находящийся в состоянии «перманентной войны» (анти-террористической войны), которая является «единственным способом его легитимации» в «дискурсе безопасности». В этом смысле «партизанское сопротивление» глобальной империи – один из способов *снятия* имперской репрессивной формы и перехода к «абсолютной демократии множества». Принципиальным отличием современных партизан является то, что они борются не за *суверенный порядок*, т. к. множество – вне любых (тоже «устаревших») *представлений* суверенитета: «Сегодня становление множества, распространение его побегов в сетях и его общая способность принимать решения впервые открывают путь к подлинной демократии. Политический

суверенитет и власть одного, всегда под- рывавшие всякое реальное понятие демократии, как постепенно выясняется, не только не являются необходимостью, но и абсолютно нереализуемы». Множество «просто изгоняет суверенитет из политики. Когда множество, наконец, становится способным владеть собою, тогда и открывается шанс для демократии» [22, с. 410].

Самоорганизация, «креативность», «непосредственное биополитическое производство реальности» – всему этому соответствует «сетевая форма организации» не только самого «множества», но и «партизанской борьбы»: М. Хардт и А. Негри утверждают, что «мы» находимся в новом «глобальном цикле борьбы» [22, с. 271]; борьба против глобального имперского репрессивного порядка ведётся множеством, в котором происходит его самореализация; эта борьба характеризуется как «мобилизация общего» и «принимает вид открытой, распределительной сети, в которой нет контролирующего центра, а все узлы свободно проявляют себя» [22, с. 271].

Партизанская борьба в этой перспективе ориентирована таким образом, что «центр её внимания всё больше направлен вовнутрь – она производит новые субъекты и новые склонные к экспансии жизненные формы в недрах собственной организации» [22, с. 111]. Современные формы сопротивления и гражданской войны «развивались сначала от отдельных партизанских восстаний и бунтов к унифицированной модели народной армии; затем – от централизованной военной структуры к партизанской армии с множеством центров; и, наконец, от полицентричной модели к распределённой, или полноматричной, сетевой структуре. Такова история, оставшаяся у нас за спиной» [22, с. 117].

Традиционные формы сопротивления эпохи модерна, прежде всего, партизанские войны [26] также встраиваются в сеть сопротивления множества; они по-

прежнему характерны для «периферийных регионов» имперского пространства и в силу специфики местных условий по-прежнему могут быть эффективной формой организации сопротивления. Однако их встроенность в сеть, а также изменения, связанные с тем, что биополитический процесс универсален (т. е. периферия империи не исключена из него), природа партизанской войны претерпели существенные изменения. Наиболее очевидное изменение в характере партизанской войны Хардт–Негри связывают с тем, что «партизанские движения начали перетекать из деревни в город», из открытых пространств в закрытые» [22, с. 108]. Партизанская тактика адаптировалась к новым условиям с учётом применения «информационных систем и сетевых структур. Наконец, по мере того, как партизанская война воспринимала черты биополитического производства и распространялась по всем тканям общества, она стала непосредственно выдвигать в качестве своей цели производство субъективного начала, причём имеющего черты экономические и культурные, материальные и нематериальные». В «недрах такого процесса различима тенденция к выходу за пределы современной партизанской модели к более демократичным сетевым формам организации» [22, с. 108].

Собственно говоря, то, что М. Хардт и А. Негри называют *партизаном*, в горизонте либерального имперского порядка называется *террористом*: в направлении анализа, выбранной этими авторами, различить их невозможно иначе, чем в *перспективе утопии* «абсолютной демократии множества»: *понятие* здесь одно (*essentia*), различие – только в *действительности* (*existentia*), причём, повторим, *действительностью* здесь представляется *утопия*.

Противоположным образом выстроен «дискурс терроризма» Ж. Бодрийяром [5]. Если не принимать «утопию множества» («новую социальную реаль-

ность») и полагать, что действительно не «множество», но «масса», в которую «выродился народ», то террорист в политическом порядке «симулякров третьего уровня» *представится* иначе: как «двойник суверена» (на это обстоятельство указывает также и Дж. Агамбен [2], утверждающий, что *homo sacer*, «абсолютно исключённый», есть *одновременно* и «двойник-антипод» суверена). Тогда: если «система должна быть разгромлена» [6, с. 161], то «здесь возможна лишь катастрофическая, а вовсе не диалектическая стратегия. Приходится доводить всё до предела, и тогда-то оно само собой обращается в свою противоположность и рушится... Следует обратить смерть против смерти – этакая радикальная тавтология. Сделать из собственной логики системы неотразимое оружие против неё. Против тавтологической системы единственно действенной будет стратегия своего рода патафизики, «науки о воображаемых решениях», т. е. научной фантастики на тему обращения системы против неё самой в высшей точке симуляции, стратегия обратимой симуляции в рамках гиперлогики разрушения и смерти» [6, с. 48]. Стратегия, учитывающая «положение вещей», «революционная интуиция – догадка о том, что глубинная идеология функционирует теперь не на уровне политических означаемых, а на уровне означающих, и что с этой стороны система наиболее уязвима», полагается им единственной имеющей шанс: «Неудача выступлений 1970 г. привела к спаду традиционной политической активности, зато к радикализации бунта на подлинно стратегическом направлении в области тотального манипулирования кодами и значениями» [6, с. 161]. Стратегия «истребления ценности», «символическая стратегия» является единственно возможной; она и есть то, что получило название «терроризм»: реально посягают на господство «лишь такие поступки, которые происходят в поле радикальной недетерминированности», поэтому необ-

ходимо «перенести всё в сферу символического, где действует закон вызова, обращения, увеличения ставок. Такого, что и на смерть можно ответить только другой, равной или большей, смертью. Здесь нет реального насилия или же реальных сил, есть только вызов и символическая логика» [6, с. 97–98].

Сувереном является тот, кто принимает решение о чрезвычайном положении [24], – такое решение в современном политическом порядке *принимает террорист*: требуется жертвоприношение, «единственным выходом оказывается обратить против системы сам же принцип её власти: невозможность ответа и возражения. Бросить системе такой вызов, на который она не сможет ответить ничем, кроме своей гибели и крушения»; «пускай система сама убьёт себя, отвечая на многократный вызов смерти и самоубийства» [6, с. 99; 12].

Заключение

Итак, в процессе нашего анализа мы пришли к выводам:

1. Политический порядок всегда «пространственный порядок»; *сущность партизана*, как и террориста, *определяется местом*, к которому они относятся в таком пространстве; для каждого из них – это *собственное место* в *тотально различающихся представлениях* политического в двух *различных* парадигмах политического. Главное различие между парадигмой «понятия политического» и «экономической парадигмой политического» состоит в том, что является для них *ἀρχή*: в первом случае – суверен и суверенное решение, во втором – «пустое место»;

2. *Понятие партизана* определяется в отношении к *суверену* и для *суверенного политического порядка*: партизаном называется тот, кто бросил вызов *суверену* и борется за суверенитет/учреждение нового/восстановление старого политического порядка. *Партизан* возможен только в *политическом порядке суверенных государств*; он – участник войны как

способа отношений между суверенными государствами; гражданская война всегда *предполагает горизонт внешнего*; фигура партизана *погранична* и его *возможность* раскрывается *исключительно в перспективе различия* «внутреннее/внешнее»;

3. Современный глобальный порядок, представленный в экономической парадигме политического, выстраивается в перспективе *принципиальной невозможности различия внутреннего и внешнего*. Враг не может быть «экстерриторизирован», не может стать «внешним врагом», а значит: *непризнан, незаконен, он есть преступник*. Террорист есть фигура «новой войны»: справедливой, тотальной, перманентной, без возможности мира, «внутренней войны» как полицейской операции;

4. Распространённое мнение о том, что «старый партизан» в новых условиях «становится террористом» является следствием *неразличения представлений* политического порядка в различных парадигмах политического. То, что один

«во времени» следует за другим и что на смену одному порядку суверенных государств, приходит другой – глобальный порядок, – *не означает* наличия причинной (и любой «преемственной») связи между ними. «Совпадение характеристик», очевидное в «дискурсе партизана» и «дискурсе террориста», вводит в заблуждение; *понятие партизана* и *понятие террориста* – различны.

Последовательное *удержание различия* между партизаном и террористом является первым и необходимым условием преодоления той *часто умышленной* путаницы, с помощью которой *либеральная идеология политически, морально и юридически дисквалифицирует своих противников*, объявляя их *преступниками-террористами*, устраняя препятствия к *завершающему совпадению* реальности понятия единого глобального политического порядка и его *становление как действительного*.

Статья поступила в редакцию 26.04.2021

ЛИТЕРАТУРА

1. Агамбен Дж. Царство и слава. К теологической генеалогии экономики и управления. М.; СПб., 2018. 552 с.
2. Агамбен Дж. Homo sacer. Чрезвычайное положение. М.: Европа, 2011. 148 с.
3. Анкерсмит Ф. Р. Эстетическая политика. Политическая философия по ту сторону факта и ценности. М., 2014. 432 с.
4. Арон Р. Мир и война между народами. М.: Nota Bene, 2000. 880 с.
5. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или конец социального. Екатеринбург, 2000. 96 с.
6. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2006. 389 с.
7. Боянич П. Насилие и мессианизм. М., Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2018. 224 с.
8. Жижек С. О насилии. М.: Европа, 2010. 184 с.
9. Калдор М. Новые и старые войны: организованное насилие в глобальную эпоху. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. 416 с.
10. Кревельд М. Трансформация войны. М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. 344 с.
11. Лал Д. Похвала империи: Глобализация и порядок. М.: Новое издательство, 2010. 364 с.
12. Ломако Л. Л., Мальцев К. Г. Дискурс «антитеррористической войны» и справедливая, то есть тотальная, война // PolitBook. 2020. № 3. С. 80–97.
13. Ломако Л. Л., Мальцев К. Г. Несколько замечаний по поводу «новизны» дискурса «новой войны»: «инновации» и традиция // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2020. № 4. С. 70–80.
14. Люттвак Э. Н. Стратегия. Логика войны и мира. М.: Институт Дмитрия Пожарского, 2017. 381 с.
15. Мальцев К. Г. Понятие политического и мировой беспорядок: перспективы согласия, войны и глобального имперского порядка. Кн. 2. Белгород, 2020. 752 с.
16. Мальцев К. Г., Ломако Л. Л. Кризис государства-нации как проблема социально-политической

- философии // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. 2020. № 1. С. 55–64.
17. Мальцев К. Г., Мальцева А. В. «Пустое место» как «средостение» политического порядка в экономической парадигме политического // Общество и власть: социально-экономические аспекты и публичная политика / под ред. Е. Н. Чижовой. Белгород, 2020. С. 21–58.
 18. Мальцев К. Г., Мальцева А. В., Ломако Л. Л. Глобализация и вестернизация: горизонты «отождествления» и «различения». Социально-политические науки. 2020. Т. 10. № 5. С. 106–114.
 19. Мальцева А. В., Ломако Л. Л. Враг, партизан, террорист: к вопросу о социально-философском конструировании понятия «терроризм» // Социально-гуманитарные знания. 2019. № 6. С. 245–256.
 20. Мюнклер Г. Осколки войны: эволюция насилия в XX и XXI веках. М.: Кучково поле, 2018. 381 с.
 21. Хайдеггер М. Размышления XII–XV (Чёрные тетради 1939–1941). М., 2020. 344 с.
 22. Хардт М., Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи. М.: Культурная революция, 2006. 559 с.
 23. Шмитт К. Номос Земли в праве народов *Jus publicum Europaeum*. СПб.: Владимир Даль, 2008. 669 с.
 24. Шмитт К. Политическая теология. СПб.: Наука, 2016. 336 с.
 25. Шмитт К. Понятие политического. СПб.: Наука, 2016. 567 с.
 26. Шмитт К. Теория партизана. М.: Праксис, 2007. 301 с.
 27. Hoffman F. G. Conflict in the 21st century. The rise of hybrid wars. Arlington: Potomac Institute for policy studies, 2007. 72 p.
 28. Mueller J. The remnants of war. Ithaca, New York: Cornell University Press, 2007. 272 p.
 29. Shaw M. War and globality: the role and character of war in the global transition // Ho-Won Jeong, ed. The New Agenda for Peace Research. Ashgate, 1999. P. 61–80.

REFERENCES

1. Agamben J. *Tsarstvo i slava. K teologicheskoi genealogii ekonomiki i upravleniya* [The Kingdom and the Glory: Theological Genealogy of Economy and Government]. Moscow; St. Petersburg, 2018. 552 p.
2. Agamben J. *Homo sacer. Chrezvychainoe polozhenie* [Homo sacer. State of exceptioncy]. Moscow, Evropa Publ., 2011. 148 p.
3. Ankersmit F. R. *Esteticheskaya politika. Politicheskaya filosofiya po tu storonu fakta i tsennosti* [Aesthetic Politics. Political Philosophy Beyond Fact and Value]. Moscow, 2014. 432 p.
4. Aron R. *Mir i voyna mezhdu narodami* [Aaron peace and war between nations]. Moscow, Nota Bene Publ., 2000. 880 p.
5. Baudrillard J. *V teni molchalivogo bol'shinstva, ili konets sotsial'nogo* [In the shadow of the silent majorities or the end of the social]. Ekaterinburg, 2000. 96 p.
6. Baudrillard J. *Simvolicheskii obmen i smert* [Symbolic exchange and death]. Moscow, Dobrosvet Publ., 2006. 389 p.
7. Boyanich P. *Nasilie i messianizm* [Violence and Messianism]. Moscow, Ekaterinburg, Kabinetnyi uchenyi Publ., 2018. 224 p.
8. Zhizhek S. *O nasilii* [On violence]. Moscow, Evropa Publ., 2010. 184 p.
9. Kaldor M. *Novye i starye voiny: organizovannoe nasilie v globalnuyu epokhu* [New and old wars: organized violence in the global era]. Moscow, Institut Gaidara Publ., 2015. 416 p.
10. Kreveld M. *Transformatsiya voiny* [War transformation]. Moscow, Alpina Biznes Buks Publ., 2005. 344 p.
11. Lal D. *Pokhvala imperii: Globalizatsiya i poryadok* [In Praise of Empires. Globalization and Order]. Moscow, Novoe izdatelstvo Publ., 2010. 364 p.
12. Lomako L. L., Maltsev K. G. [Discourse of «anti-terrorist war» and just, that is, total, war]. In: *Polit-Book*, 2020, no. 3, pp. 80–97.
13. Lomako L. L., Maltsev K. G. [A few comments on the «novelty» of the «new war» discourse: «innovation» and tradition]. In: *Intellekt. Innovatsii. Investitsii* [Intellect. Innovation. Investments], 2020, no. 4, pp. 70–80.
14. Lutvak E. N. *Strategiya. Logika voiny i mira* [Strategy: the logic of war and peace]. Moscow, Unstitut Dmitriya Pozharskogo Publ., 2017. 381 p.

15. Maltsev K. G. *Ponyatie politicheskogo i mirovoi besporyadok: perspektivy soglasiya, voyny i globalnogo imperskogo poryadka. Kniga 2* [The concept of political and world disorder: perspectives of harmony, war and global imperial order. Book 2]. Belgorod, 2020. 752 p.
16. Maltsev K. G., Lomako L. L. [The crisis of the nation-state as a problem of socio-political philosophy]. In: *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina* [Bulletin of the Leningrad State University named after A. S. Pushkin], 2020, no. 1, pp. 55–64.
17. Maltsev K. G., Maltseva A. V. [«Empty place» as a «mediastinum» of the political order in the economic paradigm of the political]. In: Chizhova E. N., ed. *Obshchestvo i vlast: sotsialno-ekonomicheskie aspekty i publichnaya politika* [Society and power: socio-economic aspects and public policy]. Belgorod, 2020. P. 21–58.
18. Maltsev K. G., Maltseva A. V., Lomako L. L. [Globalization and Westernization: horizons of «identification» and «discrimination»]. In: *Sotsialno-politicheskie nauki* [Socio-political sciences], 2020, vol. 10, no. 5, pp. 106–114.
19. Maltseva A. V., Lomako L. L. [Enemy, partisan, terrorist: on the question of the socio-philosophical construction of the concept of «terrorism»]. In: *Sotsialno-gumanitarnye znaniya* [Social and humanitarian knowledge], 2019, no. 6, pp. 245–256.
20. Мьнклер Г. *Oskolki voyny: evolyutsiya nasiliya v XX i XXI vekakh* [War Remnants: evolution of violence in the 20th and 21st centuries]. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2018. 381 p.
21. Khaidegger M. *Razmyshleniya XII–XV (Chernye tetradi 1939–1941)* [Ponderings 12–15. Black Notebooks 1939–1941]. Moscow, 2020. 344 p.
22. Khardt M., Negri A. *Mnozhestvo: voina i demokratiya v epokhu imperii* [Multitude: war and democracy in the age of empire]. Moscow, Kulturnaya revolyutsiya Publ., 2006. 559 p.
23. Schmitt C. *Nomos Zemli v prave narodov Jus publicum Europaeum* [Nomos of the Earth in the law of peoples Jus publicum Europaeum]. St. Petersburg, Vladimir Dal Publ., 2008. 669 p.
24. Schmitt C. *Politicheskaya teologiya* [Political theology] In: *Ponyatie politicheskogo* [The concept of the political]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2016. 336 p.
25. Schmitt C. [The concept of the political] In: *Ponyatie politicheskogo* [The concept of the political]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2016. 567 p.
26. Schmitt C. *Teoriya partizana* [Theory of the Partisan]. Moscow, Praxis Publ., 2007. 301 p.
27. Hoffman F. G. *Conflict in the 21st century. The rise of hybrid wars*. Arlington, Potomac Institute for policy studies, 2007. 72 p.
28. Mueller J. *The remnants of war*. Ithaca, New York, Cornell University Press, 2007. 272 p.
29. Shaw M. *War and globality: the role and character of war in the global transition*. In: Ho-Won Jeong, ed. *The New Agenda for Peace Research*. Ashgate, 1999. P. 61–80.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Мальцев Константин Геннадьевич – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории и методологии науки Белгородского технологического университета имени В. Г. Шухова; e-mail: maltsevaannav@mail.ru

Мальцева Анна Викторовна – кандидат политических наук, доцент кафедры теории и методологии науки Белгородского технологического университета имени В. Г. Шухова; e-mail: pavic69@mail.ru

Ломако Леонид Леонидович – старший преподаватель кафедры теории и методологии науки Белгородского технологического университета имени В. Г. Шухова; e-mail: parmend@bk.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Konstantin G. Maltsev – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Department of Theory and Methodology of Science, Belgorod State Technological University named after V. G. Shukhov; e-mail: maltsevaannav@mail.ru

Anna V. Maltseva – Cand. Sci. (Political sciences), Assoc. Prof., Department of Theory and Methodology of Science, Belgorod State Technological University named after V. G. Shukhov; e-mail: pavic69@mail.ru

Leonid L. Lomako – senior lecturer, Department of Theory and Methodology of Science, Belgorod State Technological University;
e-mail: parmend@bk.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Мальцев К. Г., Мальцева А. В., Ломако Л. Л. К различению «партизана» и «террориста» в двух парадигмах политического // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2021. № 4. С. 173–184.
DOI: 10.18384/2310-676X-2021-4-173-184

FOR CITATION

Maltsev K. G., Maltseva A. V., Lomako L. L. On distinction between «guerrillas» and «terrorists» in two paradigms of political. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2021, no. 4, pp. 173–184.
DOI: 10.18384/2310-676X-2021-4-173-184